

УДК 82

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний

Анна Евгеньевна Семеновская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
anna.semenovskaya@mail.ru*

Аннотация

Помимо буквального значения (территория государства), слово «провинция» обладает комплексом разнообразных коннотаций (косность, отсталость, необразованность и т. п.), которые в полной мере не описаны в словарях, но с легкостью считываются носителями русского языка как грани единого концепта «русская провинция». Накопление этих значений происходило преимущественно за счет попадания слова в художественную литературу, где оно стало формой для выражения разнообразных сторон внестоличной жизни. Так, из лексемы с конкретным прямым значением слово «провинция» стало абстрактным понятием, концептом, мифом.

Это исследование – попытка реконструировать, описать и систематизировать все смыслы, которыми окружены слово «провинция» и его производные (провинциальность, провинциализм, провинциал и т. д.). Материал исследования – тексты на портале «Национальный корпус русского языка». В фокусе этой статьи – смыслы, связанные с психологическими или экзистенциальными состояниями.

Среди упоминаний слова «провинция» и его производных было выявлено 108 случаев, в которых содержался контекст описания чувств. Все словоупотребления были изучены, в результате было установлено 13 значений: тоска/скука; неуверенность, зависимость; утрата себя и способностей; страх/ужас/тревога; стыд; грусть/печаль; отчаяние; одиночество; сумасшествие; апатия; несвобода; покой; свобода.

Выяснилось, что в русской литературе концепт «провинция» имеет преимущественно негативные коннотации. Немногие положительные значения (покой, свобода) отсылают к сентименталистской традиции и появляются в период упадка «дворянских гнезд», в период славянофильских стремлений очистить представление о русской провинции от отрицательных смыслов.

Негативные психологические или экзистенциальные состояния вызваны: а) отсутствием у провинциалов собственной идентичности и, как следствие, оценением себя с позиции другого (неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного», страх/ужас/тревога, стыд); б) непосредственной погруженностью провинциалов в бессобытийную жизнь (тоска/скука, грусть/печаль, отчаяние, одиночество, апатия, несвобода, сумасшествие, утрата себя и своих способностей, мотивы сна и смерти).

Ключевые слова: провинция, провинциальность, концепт, Национальный корпус русского языка, русская литература XIX в.

Для цитирования: Семеновская А. Е. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 101–109. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

The concept of “province” in Russian literature of the XIX century: semantic field of psychological and existential feelings

Anna E. Semenovskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anna.semenovskaya@mail.ru

Abstract

The word “province” is associated with a variety of meanings, starting from the literal (the territory of the state) and ending with metaphorical (stagnation, backwardness, lack of education, etc.). These meanings were formed around the “province” and accumulated in the Russian speech consciousness mainly through the efforts of fiction of the XIX century. Thus, from a lexeme with a specific direct meaning, the word “province” was transformed into an abstract concept, concept and myth. This study is an attempt to reconstruct, describe and systematize all meanings based on the materials of the “National Corpus of the Russian Language”. The focus of the article is only those meanings that are associated with psychological or existential states.

Among the mentions of the word “province” and its derivatives, 108 cases were identified in which the context of describing feelings was contained. All cases have been studied. The analysis resulted in 13 meanings reflecting the idea of the province in terms of psychological and existential states: longing/boredom; uncertainty, dependence; loss of self and abilities; fear/horror/anxiety; shame; sadness/sadness; despair; loneliness; madness; apathy; lack of freedom; peace; freedom.

It turned out that in the literature of the XIX century, mainly negative connotations accumulate around the concept of “province”. Few positive meanings (peace, freedom) refer to the sentimentalist tradition, appear during the decline of the “noble nests” and Slavophile aspirations to purify the idea of the Russian province from negative meanings.

Negative psychological or existential ones are caused by: a) the province’s lack of its own identity and, as a result, self-assessment from the position of the Other (uncertainty, dependence on authorities and the “metropolitan”, fear/horror/anxiety, shame); b) the direct immersion of provintsials in an eventless provintsial life (longing/boredom, sadness/sadness, despair, loneliness, apathy, lack of freedom, insanity, loss of oneself and one’s abilities, motives for sleep and death).

Keywords: province, provintsiality, concept, National Corpus of the Russian Language, Russian literature of the 19th century

For citation: Semenovskaya A. E. Kontsept “provointsiya” v russkoy literature XIX veka: semanticheskoye pole psikhologicheskikh i ekzistentsial’nykh sostoyaniy [The concept of “province” in Russian literature of the XIX century: semantic field of psychological and existential feelings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 101–109 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

Введение

С XVII в. слово «провинция» прошло долгий путь и пережило множество трансформаций: превратилось из обозначения конкретного понятия в абстрактное, из лексемы, обозначающей реальное явление и имеющей четко оформленный денотат, – в идеологему, концепт и миф. Как отмечает Л. О. Зайонц [1, 2], слово «провинция» употреблялось в своем исконном значении как наименование административно-территориальной единицы государства только в XVII–XVIII вв. После реформы Екатерины II, отменившей в 1775 г. провинцию как субъект государства, слово лишилось своего первоначального смысла и обрело вторую жизнь в художественной словесности. В литературе слово приобрело множество коннотаций, было мифологизировано и концептуализировано.

Именно художественная литература, как отмечают Л. О. Зайонц [1, 2], Е. Н. Строганова [3, с. 196], А. Е. Козлов [4, с. 12] и др., сыграла решающую роль не только в сохранении слова в языке, но и в непрекращающемся наращивании его семантического ореола. Так, уже к 30-м гг. XIX в. слово приобрело свои основные смыслы, начиная с понимания провинции как пространства природы, естественности и покоя и заканчивая пренебрежительно-обличительным изображением уездного города и его жителей, выраженным в творчестве Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова.

В современной филологии русская провинция исследуется с разных ракурсов: в рамках социологии пространства (провинциаловедение), мифологии пространства (локальные тексты) или политологии пространства (областничество). Однако при всем многообразии подходов и глубине исследовательского анализа этих работ термин «провинция»

в них используется зачастую произвольно и метафорически: понимание термина учеными диктуется контекстом рассматриваемых художественных произведений или идеологическими схемами самого автора. Вместе с тем любая исследовательская операция, предполагающая использование «провинции» как понятия и термина, не может быть произведена без учета многообразных коннотативных значений, которыми окружено это слово.

Наведение порядка в словоупотреблении, реконструкция всех коннотаций, возникающих в сознании при упоминании провинции, а также их дальнейшая систематизация – работа, проделать которую еще предстоит. Хотя нельзя не отметить, что попытка проанализировать и аккумулировать смыслы, накопленные вокруг «провинции», уже предпринималась. В 2012 г. тверскими учеными велась работа по созданию словаря «Русская провинция» [5–7]. Словарь задумывался как комплексное описание пространства русской провинции. Однако проект так и не был завершен: на сегодняшний день вышло только две статьи в научных журналах. Кроме того, авторы словаря в качестве материала опирались на работы других исследователей, а не на первоисточники, в которых эти смыслы непосредственно формировались, что способно поставить под сомнение полноту освещения всех имеющихся у «провинции» смыслов и контекстов. Эта статья – еще один шаг к решению обозначенной задачи – извлечь из стереотипных представлений о «провинции» все значения, описать и упорядочить их.

Материал и методы

Провести полную ревизию смыслов возможно при учете трех факторов: 1) включение в поле зре-

ния исследования большого объема материала, т. е. всех художественных текстов, где есть упоминание «провинции»; 2) фронтальный анализ текстов, желательное с наличием функции вычленения фрагментов с упоминаниями слова для определения его семантики в полученном контексте; 3) использование адекватной научной методологии для описания полученных результатов и их систематизации.

Благодаря «Национальному корпусу русского языка» (НКРЯ) [8] анализ всех смыслов лексемы «провинция» стал решаемой задачей. Портал представляет собой базу данных русскоязычных текстов периода середины XVIII – начала XXI в., имеет функции поиска по ключевым словам, сортировки по периодам, жанрам, родам литературы и стилям. Методы анализа материалов были позаимствованы из лингвоконцептологии и лингвокультурологии – для обнаружения значений упомянутого слова изучался контекст, в который оно помещено.

Для учета не только слова «провинция», но и его словоформ и грамматических вариантов в строку поискового запроса вводилась комбинация «провинц*». Поиск осуществлялся в художественном и поэтическом корпусах, учитывались все роды литературы и жанры. На настоящем этапе исследования было принято решение ограничиться периодом XIX в. По указанным критериям в корпусе было найдено 379 художественных текстов, в которых искомое слово упоминается 1 531 раз. Каждый фрагмент текста с упоминанием слова был проанализирован.

Ввиду такого большого объема материала и его разнородности все полученные значения были поделены на четыре семантические группы: 1) провинциальная социология и антропология; 2) идеологические и культурные антинормы; 3) значения, связанные с психологическими и экзистенциальными состояниями; 4) мотивы, обладающие высоким сюжетообразующим потенциалом. В фокусе данной статьи только одна группа – значения/мотивы, связанные с психологическими или экзистенциальными состояниями.

Результаты и обсуждение

В «Национальном корпусе русского языка» среди текстов XIX в. было найдено 108 упоминаний слова «провинция» и его производных, контекст которых предполагал указание на психологические или экзистенциальные состояния: *тоска/скука* – 33 упоминания, *неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного»* – 17, *утрата себя и своих способностей (в том числе через мотивы смерти и сна)* – 14, *страх/ужас/тревога* – 13, *стыд* – 6, *грусть/печаль* – 6, *отчаяние* – 6, *одиночество* – 5, *сумасшествие* – 2, *апатия* – 1, *несвобода* – 1, *покой* – 3, *свобода* – 1.

Перечень выявленных контекстов свидетельствует, что негативные коннотации имеют преимущество. Положительные значения («покой», «свобода») нетипичны для литературы XIX в., поскольку они восходят к концу XVIII в., а именно к сентименталистской эстетике, где российская глубинка идеализируется, воспринимается как природная среда, развивающая «естественные» начала человека. Описание провинции в таком ключе совпало, во-первых, с проникновением в русскую культуру идей Ж.-Ж. Руссо и Л. Стерна, во-вторых, с массовыми миграциями в деревни дворян, которые нуждались в идеологическом обосновании помещного образа жизни. Так, именно сентиментализм лег в основу усадебной мифологии: *«Благодаря Руссо в сознании образованной части русского общества конца XVIII в. „естественная“ деревенская жизнь ассоциировалась прежде всего с провинциально-дворянской, постепенно превращаясь из вынужденной в осмысленную и самоценную»* [1, с. 70].

Происходит реанимация в художественной словесности XIX в. таких значений акторами. Любопытен тот факт, что все тексты, где в связи с провинцией возникают подобные «сентименталистские» смыслы, относятся к периоду 1850–1870 гг., то есть ко времени постулирования славянофильских идей, противопоставляющих европеизированной столице исконный общинный уклад имперской периферии [9]. Связь между идеализированным представлением о пространстве «вне столицы» и идеями националистического толка проводит и такая исследовательница, как Л. Парц [10]. Кроме того, нельзя не упомянуть в качестве важного фактора, сыгравшего роль в позитивном восприятии провинции, упадок дворянско-усадебной культуры в середине XIX в., чем, по-видимому, в том числе продиктованы восторженный пафос и ностальгическая модальность текстов этого периода. Так, у И. В. Омулевского («Шаг за шагом», 1870), например, провинция ассоциируется с традиционным набором качеств «естественного» человека: свобода, воля, сила, ловкость: *«Теперь он стал даже помогать ему распутывать узлы веревок, выказывая при этом ловкость и силу, свойственные двенадцатилетнему мальчику только в провинции, когда он растет на свободе»* [8]. В «Разделе имения» (1850–1860) И. И. Панаева в противовес фразе «Провинция уж все провинция, как ни говорите», в которой считывается пренебрежение, предлагается идеализация деревни: *«Деревня имеет свои приятности; воздух здесь совсем другой. Я так чувствую себя гораздо лучше на свежем воздухе, особенно когда можно отдохнуть после занятий по службе; к тому же уединение...»* [8]. Пародирование подобного ностальгического и по-сентименталистски

восторженного тона ощущается в «Невинных рассказах» (1857–1863) М. Е. Салтыкова-Щедрина: *«Читатель! не знаю, жили ли вы в провинции, но я, который благоденствовал в Вятке и процветал в Перми, жуировал жизнью в Рязани и наслаждался душевным спокойствием в Твери, я смею вас удостоверить, что воспоминания о виденных мною елках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни!»* [8].

Сентименталистский модус восприятия провинции, как видим, в большей степени связан с пространством российской деревни. Однако основной пласт содержания концепта «провинция» (преимущественно негативного) связан в литературе XIX в. не с деревней, а с уездным городом. По мысли Э. Лаунсбери [11, с. 13–18], крестьянство, основное население деревень, не может считаться провинциальным, поскольку оно не вовлечено в ту семиотическую систему, в которую вписан уездный горожанин, который, с одной стороны, потерял связь с «народом» и своими корнями, покинув деревню, и, с другой стороны, утратил свою аутентичность ввиду желания сменить свой статус на столичного жителя и переживания своей отдаленности от центра социальной и культурной жизни. С такой точки зрения уездный город – это уже не деревня, но еще не столица, он как бы лишен собственного лица и вынужден определять себя через эти самоценные пространства. Мысль Э. Лаунсбери о том, что «негативная» идентичность города обуславливает его провинциализм, развивает идею М. Эпштейна об отсутствии у провинции собственного ядра или центра: *«Провинция находится как бы не в себе, она чужая не кому-то или чему-то, а себе самой, поскольку ее собственный центр изъят из нее и перенесен в какое-то другое пространство или время»* [12, с. 40].

М. Эпштейн предполагает, что особенное отношение к провинции в России является следствием «самоколонизации», или «внутренней колонизации», страны в ходе истории. Провинциальный менталитет с такой точки зрения оказывается вариантом менталитета колониального. И действительно, многие аспекты провинциальной патопсихологии (зависимость от авторитетов и столицы, стыд, страх и т. д.) могут быть объяснены выведенной М. Эпштейном формулой, характерной для колониального самосознания: *«провинциальность – это способ устройства определенных структур, выносящих свой центр за собственные пределы. Этот центр находится неведомо где, за всякой видимой чертой – и в то же время где-то здесь, на земле, в той же самой субстанции, из которой образована структура»* [12, с. 41]. Помещение за пределы своих границ «центра» применительно к провинциальному сознанию – это лишение себя

возможности самостоятельно формировать собственную идентичность и самооценку, надделение оценивающей функцией какую-либо внешнюю инстанцию.

Выявленные в «Национальном корпусе русского языка» мотивы: **«страх/ужас/тревога», «стыд, неуверенность»/«зависимость от авторитетов»** (в том числе от столицы) – укладываются в такую интерпретацию. Природа перечисленных выше переживаний, во-первых, базируется на институциональных, социальных и бытовых установках, предполагающих подчиненную и зависимую позицию провинции и провинциалов относительно абстрактного центра (столицы); во-вторых, указанные состояния провоцируются наличием внешней (со стороны столицы) оценки, часто навязанной и не имеющей отношения к действительности. Такая оценка перенимается носителем провинциального сознания и присваивается, составляя основу комплексов.

Значения **«страх/ужас/тревога»** в связи с провинцией возникают первыми из всех вышеперечисленных. Уже в 1814 г. в повести В. Т. Нарезного «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», которая стала одним из первых произведений, разрабатывающих провинциальный текст, читаем: *«Но если осталось у вас несколько страха, свойственного провинциалам, а особливо русским, то я отдаю голову свою в заклад, что менее шести недель вы будете совершенно здоровы»* [8]. Однако если страх в повести Нарезного означает конкретную эмоцию (доходящее до раболепия «уважение» провинциалов к образованным людям (в данном случае к врачам), то в дальнейшей литературной практике, начиная с 1840-х гг., страх обнаруживает свою невротическую (тревога) или экзистенциальную (ужас) природу.

С 1840-х гг. провинция, во-первых, начинает представляться пространством, в котором царствует голод. У Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1843–1847) слово «ужас» применительно к провинции повторяется три раза, в трех предложениях подряд: *«Это происходит от всем нам общей человеческой беспечности. Эти несчастья и ужасы, производимые голодом, далеки от нас; они совершаются внутри провинций, они не перед нашими глазами, – вот разгадка и объяснение всего! Тот же самый, кто заплатил, дабы насладиться пеньем Рубини, сто рублей за кресло в театре, продал бы свое последнее имущество, если бы довелось ему быть свидетелем на деле хотя одной из тех ужасных картин голода, перед которыми ничто всякие страхи и ужасы, выставляемые в мелодрамах»* [8]. Провинция, ее голод и нищета являются изнаночной стороной

русской жизни, которую принято не замечать, в чем, по Гоголю, состоит причина социально-экономического неравноправия. Во-вторых, провинция осмысливается как пространство, в котором царствует не только бедность, но и абсурд, хаос, пустота. Нахождение в такой среде приводит к утрате желаний, сил и талантов, что вызывает страх и отчаяние: «Наконец какой-то ужас напал на него. С отчаянием заметил он, сколько потерпел его талант, беспрерывно стесняемый беспорядочною, нищенскою жизнью, и в одно утро он бросил своего антрепренера, взял свою скрипку и пришел в Петербург, почти прося милостыню» (Ф. М. Достоевский. «Нечочка Незванова», 1849) [8].

Отметим, что значения, связанные с **«утратой способностей и собственной идентичности»**, встречаются в литературе XIX в. в том числе отдельно от мотива страха и довольно частотны (14 упоминаний в НКРЯ). Зачастую они реализуются посредством мортальных мотивов и образов. Провинция предстает как «болото», «могила», «яма». В провинции «глушь», «тишина», «все умерло», здесь происходит «оцепенение души». Провинциалы «прозябают», «тонут», «глохнут», «погрязают». Вариантом **смерти** оказывается **сон**. В трех случаях провинция выступает метафорическим сонным царством («Да! провинция пустеет: / Города объаты сном, / Земледелец наш беднеет, / Дворянин поник челом». Н. А. Некрасов. «Современники» [8]). Жители провинции «впадают в спячку», зовутся «сонными мухами» и т. д. О связи провинциального кода с мортальным уже писали такие ученые, как Е. Н. Строганова [3], Р. Казари [13], Е. Н. Эртнер [14], А. Е. Козлов [15]. Провинция в литературе XIX в., по мнению исследователей, представлена как царство мертвых, а провинциальные сюжеты отсылают к мифам о передвижениях в загробный мир. Например, поездка в провинцию нередко равнозначна схождению в ад, а исключение из столицы соответствует изгнанию в подземный мир. Восприятие провинциального топоса как пространства мертвых провоцирует уже не только психологические переживания, но и экзистенциальные – и страх смерти один из них. Например, в «Дневниках» С. Я. Надсона, в 1880-х гг., параллель между отъездом в провинцию и смертью проговаривается напрямую: «Где я, что я, как я?.. Со страхом и тревогой выезжал я из столицы в провинциальную глушь. Небольшой круг моих литературных друзей отпевал меня, как мертвеца, да и в моей душе я тоже не молебен служил» [8].

Не только провинциалы видят в провинции угрозу, но и жители столицы. Героиня повести Н. А. Дуровой «Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора» (1841) говорит: «Муж мой уехал в

деревню хозяйничать и предлагал мне взять меня с собою. Только я ужасно боюсь провинции и воображаю себе что-то ужасное. Какие, я думаю, там чепцы и шляпки носят – просто надо умереть со смеху, и какие щеголи, все к ручке подходят, и какие женщины, какие претензии – верно, очень смешно. Приезжайте-ка поскорее да расскажите нам, что вы видели, чтоб было над чем посмеяться, а там поедимте за границу, в Париж» [8]. Смысл произнесенных героиней слов симптоматичен с точки зрения понимания «провинциальной» психологии. Смех в данном случае – способ, во-первых, перевернуть ситуацию, возвыситься над ней; во-вторых, замаскировать собственную «провинциальность», проявленную в стремлении поехать «за границу, в Париж», в столицу столиц, в город, по отношению к которому, согласно тернарной структуре, «провинция – столица – Европа», весь остальной мир стереотипно считается большой провинцией.

Базовыми свойствами провинциальной закомплексованности, как уже говорилось выше, являются вынесение собственного центра (как внешне-географического, так и внутренне-ценностного) за пределы себя и последующая зависимость от него. Такие качества, как **«зависимость от авторитетов»** (в том числе от столицы) и **«неуверенность»** провинциалов, встречаются в художественных текстах НКРЯ 17 раз. Герои-провинциалы способны ощутить самоценность и полноценность только в столице или в присутствии «столичного» рядом с собой: «Здесь, в провинции, когда встретишься с петербургским, так легче на душе станет, право» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Святочный рассказ», 1858) [8]. Путешествие в столицу по делам службы или, например, за модными товарами делает провинциала местным героем, уважаемым человеком, а хвастовство знакомством со столичными знаменитостями означает причисление к ним себя, реабилитацию своей жизни, реализованной из-за переезда в провинцию вопреки планам юности: «Любил теперь он в час досуга / Провозгласить пред всеми вдруг: / „Меня Жуковский чтит как друга, / И даже Пушкин был мне друг...“ / Когда-то в юности далекой / (Он вспоминал о той поре) / Послания „к деве черноокой“ / Писал он в „Утренней заре“» (Д. Д. Минаев. «Нигилист», 1866) [8].

Единственным логичным способом избавиться от подобных состояний становится переезд из провинции в столицу. «Инстинктивное» желание сменить место жительства описывается в литературе как присущее провинциалам: «Зачем я в Петербурге? по какому случаю? – этого вопроса, по врожденной провинциалам неосмотрительности, я ни разу не задал себе, покидая наш постылый губернский город. Мы, провинциалы, устремляемся в

Петербург как-то инстинктивно. Сидим-сидим – и вдруг тронемся. Губернатор сидит и вдруг надувается: толкнусь, мол, нет ли чего подходящего!» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Дневник провинциала в Петербурге», 1872) [8].

Однако переезд редко разрешает внутренние противоречия. Провинциал в столице продолжает чувствовать свою неполноценность в чужом для себя мире, и одним из проявлений такого состояния становится **стыд** за свое провинциальное происхождение. Герой Г. И. Успенского («С конки на конку», 1879) испытывает стыд даже спустя много лет столичной жизни: «В такие минуты это почти позабытое, это спрятанное в самый темный угол души, это ненужное в столичной суете, беготне, хлопотах вдруг выйдет из своего темного угла, заропщет и застыдит тебя...» [8]. Стыдятся своей провинциальности, извиняются за себя герои ранней редакции романа Н. С. Лескова «Божедомы» («Соборяне», 1868): «– Ну где же люди, – извиняет она себя. – Где люди в провинции! Я скажу ему это: я скажу: вы знаете моего мужа, но здесь приходится довольствоваться чем попало!.. Но стыдно, стыдно ужасно...» [8]. При этом стыдно не только быть провинциалом, но и иметь с ним дело. В приведенном ниже фрагменте лирический герой-провинциал пишет письмо столичному приятелю, иронизируя над ним и над собой, но наличие иронии не отменяет того, что коннотация «стыд» (с контекстно близкими ему пренебрежительностью, снобизмом) входит в семантику концепта «провинция»: «Писать в провинцию им стыдно! / Судя по этому, так видно, / Что мы для вас – пустая тварь» (Н. Ф. Остолопов. «К приятелю в столицу», 1810) [8].

Если рассмотренные выше психологические и экзистенциальные состояния вызваны присутствием внешних императивов, оценок, стереотипов, проистекающих из оппозиции «столица – провинция», то нижеследующие ощущения персонажей-провинциалов: «**тоска/скука**», «**одиночество**», «**грусть/печаль**», «**отчаяние**», «**апатия/ощущение бессмысленности**», «**сумасшествие**», «**несвобода**» – являются следствием непосредственной погруженности в провинциальную жизнь. Коннотативные значения из этого списка имеют близкую семантику. Н. Б. Назарова, в частности, изучая феномен скуки в связи с провинцией, приходит к выводу, что все эти значения «неожиданно становятся синонимами», генерализованно выражая самое что ни на есть «русское» и в то же время «провинциальное» ощущение – скуку или тоску [16, с. 315–316]. Если провинция осмысливается в русской литературе как знак России вообще (например, у Н. В. Гоголя), то скука провинции воспринимается скукой всей нации. Действительно,

скука «к концу XVIII – началу XIX века... приобретает статус культурного концепта, становится одним из главных мировоззренческих понятий» [17, с. 12], отражая этнические и культурные особенности России, черты национального характера – иными словами, становится тем, что именуют «загадочным свойством русской души».

Н. Б. Назарова отмечает, что скука в русской классической литературе «предстает именно как главная идея провинциального бытия» [16, с. 315]. Этот факт иллюстрирует статистика НКРЯ: среди прочих психологических и экзистенциальных состояний по количеству упоминаний «скука» – абсолютный лидер, встречается 33 раза. Причины провинциальной скуки, по мысли Н. Б. Назаровой, состоят, во-первых, в бессобытийности провинциальной жизни ввиду отдаленности от столицы, во-вторых, в «протяженности» провинциального времени. М. Н. Эпштейн усматривает причины в масштабах пространства: «Сама бескрайность этого мира рождает тянущую пустоту в сердце и вместе с ней – страшную силу размаха. И когда сочетаются они воедино: удаль и тоска, пустота, ищущая расширения, и пустота, не находящая заполнения, – то и получают те богатырские дела, от которых тоска не только не унимается, но шире расходится в сердце» [18, с. 38].

Мотивы скуки, сопровождающие слово «провинция» в «Национальном корпусе русского языка», не позволяют сделать обобщающие выводы ввиду короткого объема изученных фрагментов. Однако закономерности прослеживаются. Скука в провинции воспринимается как глубинное свойство характера, как традиционно-привычный образ жизни, не зависящий от внешних обстоятельств: «Несмотря на учреждение женских гимназий и воскресных школ, несмотря на процветание трезвости, несмотря на успехи, которые в последнее время сделала мысль о самоуправлении, провинциальный наш люд скукает и бьет в баклуши» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Сатиры в прозе», 1859–1862) [8]. В то же время скука спровоцирована особенностями провинциальной антропологии, а именно ритуальностью, искусственностью поведения провинциалов: «Мещанские вкусы madame Зиненко, стремившейся все подвести под линию пошлого и благополучно-сучного провинциального приличия, оскорблялись поведением Андрея Ильича» (А. И. Куприн. «Молох», 1896) [8].

Вызывает провинциальную скуку также однообразие жизни («Для того чтобы мне понравиться, он изобрел прескучную вещь: мы по целым суткам удим рыбу, и исправник надевает своими руками живых червяков на крючки») и одиночество, связанное с трудностью найти в провинции равного по уму и интересам приятеля («Ее одолевает

скука жизни, ей не сойтись с подругами, ей хотелось бы... хоть брата хорошего... Кстати, сколько ей лет?» (Н. Г. Помяловский. «Мещанское счастье», 1860) [8]. В фрагменте повести В. А. Соллогуба «Аптекарьша» (1841) мотивы грусти, скуки, «серости» жизни объединяются с темой смерти. Мрачный, смертоносный провинциальный пейзаж метафорически переносится как на внутреннее состояние героини, так и на жизнь в провинции: «Как долго сиживала она у своего окошка и в тихом раздумье смотрела на серые тучи, которые неслись грустной вереницей по небу, не предвещая бури, не обещающая солнца, а холодные, печальные, свинцовые, как жизнь, которая ее убивала» [8].

Комплекс мотивов, которые знаменуют депрессивные настроения и сходятся в семантическом варианте «тоска», сопряжен с уже рассмотренными выше мотивами утраты себя, желаний и способностей, а также с мотивами **сумасшествия**: «В провинции сойти с ума / Немудрено от страшной скуки; / Я здесь четвертый год живу, / Все как во сне, не наяву, / И не беру гитары в руки» (В. Л. Пушкин. «Капитан Храбров», 1828–1829) [8].

Еще одной эмоцией, спровоцированной нахождением в провинции, оказывается ощущение скованности, **несвободы**. В «Нигилисте» (1866) Д. Д. Минаева герой, очутившийся в провинции и отказавшийся там от своих духовных устремлений, сравнивается с прирученным, посаженным в клетку зверем, т. е. существом, которое утратило свою первоначальную суть (причем насильственно), которое не имеет свободы изменить ситуацию и смиряется: «Он точно зверь, попавший в клетку,

/ С когтями сломанными зверь. / Теперь он более не рвется, / Как прежде, в дальние края...» [8].

Заключение

Итак, концепт «провинция», формируясь преимущественно средствами художественной литературы XIX в., аккумулирует целый ряд смыслов, связанных с психологическими или эмоциональными состояниями. Среди 108 упоминаний слова «провинция» и его производных в контекстах, предполагающих психоэмоциональную характеристику, было выявлено 13 значений. Выяснилось, что в литературе XIX в. вокруг концепта «провинция» формируются преимущественно негативные коннотации. Немногие положительные значения (покой, свобода) отсылают к сентименталистской эстетике.

Негативные коннотации вызваны: а) отсутствием собственной идентичности и оценением себя как не столицу/не столичных (неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного», страх/ужас/тревога, стыд); б) непосредственной погруженностью в провинциальную жизнь (тоска/скука, грусть/печаль, отчаяние, одиночество, апатия, несвобода, сумасшествие, утрата себя и своих способностей, мотивы сна и смерти). Выявленный комплекс значений позволяет реконструировать важную часть смыслов, сконцентрированных в концепте «провинция», проследить историю его формирования в русской художественной словесности XIX в. и дать целостное представление о той его семантике, которая связана с обозначением психологических и экзистенциальных состояний.

Список источников

1. Зайонц Л. О. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. Т. 32, № 5. С. 70–88.
2. Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. Provintsija. Special issue. Amsterdam, 2003. P. 307–330.
3. Строганова Е. Н. «Миниятюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х годов // Русская провинция. Миф. Текст. Реальность. М., СПб.: Тема, 2000. С. 196–205.
4. Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века / науч. ред. Т. И. Печерская; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 196 с.
5. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 42–66.
6. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция». Часть вторая // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 33–74.
7. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.07.2021).
9. Дмитриев А. П. Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): сб. науч. тр. XVIII Всерос. науч. конф. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та пром. технологий и дизайна. 2017. Ч. 2. С. 50–55.
10. Парц Л. В поисках истинной России. Провинция в современном националистическом дискурсе / пер. с англ. О. Полей. СПб., 2022. 247 с.
11. Lounsbury A. Life is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca, London: Northern Illinois University Press an imprint of Cornell University Press, 2019. 344 p.

12. Эпштейн М. Н. Провинция // В России. Все эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. С. 40–49.
13. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX века. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф, текст, реальность. М.; СПб., 2000. С. 164–170.
14. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2005. 42 с.
15. Козлов А. Е. Соотношение морального и провинциального кодов в русской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 121–125.
16. Назарова Н. Б. Скука и провинция в русском самосознании (на материале русской классической литературы) // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 315–317.
17. Сороченко Е. Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И. А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 234 с.
18. Эпштейн М. Н. Русская хандра // В России. Все эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. С. 31–39.

References

1. Zayonts L. O. “Provintsiya”: opyt istoriografii [“Province”: the experience of historiography]. *Otechestvennyye zapiski*, 2006, vol. 32, no. 5, pp. 70–8 (in Russian).
2. Zayonts L. O. Istoriya slova i ponyatiya “provintsiya” v russkoy kul’ture [The history of the word and the concept of “province” in Russian culture]. *Russian Literature. Provintsiya. Special issue*. Amsterdam, 2003. Pp. 307–330 (in Russian).
3. Stroganova E. N. “Miniyaturnyy mir” provintsii v russkoy proze 1830-kh – pervoy poloviny 1840-kh godov [“Miniyaturnyy mir” of the Province in Russian Prose of the 1830s – the First Half of the 1840s]. *Russkaya provintsiya. Mif. Tekst. Real’nost’* [Russian province. Myth. Text. Reality]. Moscow, Saint Petersburg, Tema Publ., 2000. Pp. 196–205 (in Russian).
4. Kozlov A. E. *Provintzial’nyye syuzhety russkoy literatury XIX veka*. Nauchnyy redaktor T. I. Pecherskaya; Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet [Provintzial plots of Russian literature of the XX century. Scientific ed. T. I. Pecherskaya. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014. 196 p. (in Russian).
5. Milyugina E. G., Stroganov M. V. Tekst prostranstva. Fragmenty slovarya “Russkaya provintsiya” [Space text. Fragments of the dictionary “Russian province”]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 2, pp. 42–66 (in Russian).
6. Milyugina E. G., Stroganov M. V. Tekst prostranstva. Fragmenty slovarya “Russkaya provintsiya”. Chast’ vtoraya [Space text. Fragments of the dictionary “Russian province”. Part two]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 3, pp. 33–74 (in Russian).
7. *Tekst prostranstva: materialy k slovaryu* [Space text: materials for the dictionary]. Comp. E. G. Milyugina, M. V. Stroganov. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 368 p. (in Russian).
8. Natsional’nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 February 2023).
9. Dmitriyev A. P. Apologiya provintsii u slavyanofilov (chernovoy nabrosok stat’i K. S. Aksakova “Provintsiya i stolitsa” i vospominaniya N. P. Gilyarova-Platonova “Iz perezhitogo”) [Apology of the province among the Slavophiles (draft type of article by K. S. Aksakov “Province and Capital” and memoirs by N. P. Gilyarov-Platonov “From the Experience”)]. *Pechat’ i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskiy cheniya – 2016). Sbornik nauchnykh trudov XVIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Chast’ 2* [The press and the word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2016): a collection of scientific papers of the XVIII All-Russian Scientific Conference. Part 2]. Saint Petersburg, SPbSUITD Publ., Pp. 50–55 (in Russian).
10. Parr L. *V poiskakh istinnoy Rossii. Provintsiya v sovremennom natsionalisticheskom diskurse*. Perevod s angliyskogo O. Poley [In search of true Russia. Province in contemporary nationalist discourse. Translation from English O. Poley]. Saint Petersburg, 2022. 247 p. (in Russian).
11. Lounsbury A. *Life is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917*. Ithaca, London, Northern Illinois University Press an imprint of Cornell University Press, 2019. 344 p.
12. Ehpshhteyn M. N. Provintsiya [Provinces]. *V Rossii. Vse esse* [In Russia. All essays]. Vol. 1. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. Pp. 40–49 (in Russian).
13. Kazari R. Russkiy provintzial’nyy gorod v literature XIX veka. Paradigma i varianty [Russian provintzial town in the literature of the twentieth century. Paradigm and options]. *Russkaya provintsiya: mif, tekst, real’nost’* [Russian province: myth, text, reality]. Moscow; Saint Petersburg, 2000. Pp. 164–170 (in Russian).
14. Ehtner E. N. *Fenomenologiya provintsii v russkoy proze kontsa XIX – nachala XX veka. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [The Phenomenology of the Province in Russian Prose of the Late 19th – Early 20th Centuries. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Tyumen, 2005. 42 p. (in Russian).
15. Kozlov A. E. Sootnosheniye mortal’nogo i provintzial’nogo kodov v russkoy literature XIX veka [Correlation between mortal and provintzial codes in Russian literature of the 20th century]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2012, no. 2, pp. 121–125 (in Russian).

16. Nazarova N. B. Skuka i provintsiya v russkom samosoznanii (na materiale russkoy klassicheskoy literatury) [Boredom and province in Russian self-consciousness (based on Russian classical literature)]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Mordoviya University Bulletin*, 2008, no. 3, pp. 315–317 (in Russian).
17. Sorochenko E. N. *Kontsept “skuka” i yego lingvisticheskoye predstavleniye v tekstakh romanov I. A. Goncharova. Dis. kand. filol. nauk* [Concept “Boredom” and its linguistic representation in the texts of novels by I. A. Goncharov. Dis. cand. philol. sci.]. Stavropol, 2003. 234 p. (in Russian).
18. Ehpshteyn M. N. Russkaya khandra [Russian blues]. *V Rossii. Vse esse* [In Russia. All essays]. Vol. 1. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. Pp. 31–39 (in Russian).

Информация об авторе

Семеновская А. Е., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Semenovskaya A. E., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 22.02.2023; accepted for publication 25.05.2023